

Эволюция жанра предисловия в поэтических книгах В. С. Соловьева и В. Я. Брюсова

Екатерина Анатольевна Черкасова , Анжелика Романовна Чубрикова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: cherkasova85@gmail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются жанровые особенности авторских предисловий с точки зрения идейной, тематической и структурной эволюций в трех поэтических книгах В. С. Соловьева и девяти книгах В. Я. Брюсова. Предполагается, что Соловьев, опираясь на опыт составления авторских предисловий, накопленный отечественными поэтами XIX в., вырабатывает формосодержательные компоненты предисловий к трем прижизненным изданиям стихотворений. Будучи одновременно и младшим современником лириков, создающих и продолжающих образцы русской поэзии, и учителем для поэтов только формирующегося символизма, Соловьев намеренно, в нашем понимании, выстраивает свои предисловия как идейное звено, связующее два поэтических поколения. Отмечается роль авторских предисловий в книгах В. С. Соловьева и В. Я. Брюсова как поэтов-современников, которые состояли в творческом диалоге и активно работали над постижением традиций русской поэзии и выявлением ее лучших образцов, а также формулированием задач новой поэзии. В статье определяются новаторские решения и художественные находки В. Я. Брюсова как автора десяти предисловий к девяти поэтическим книгам. Среди ключевых особенностей стоит назвать укрупнение жанровой формы, расширение списка адресатов, трансформация цели обращения, связанной с особенностями историко-литературного контекста эпохи. Делается вывод о выстраивании авторских предисловий В. С. Соловьева и В. Я. Брюсова в особое метатекстовое единство, необходимое в т. ч. для создания уникальной формы диалога с современниками, последователями, а также в качестве важного индивидуально-авторского высказывания о целях и задачах искусства и творца.

Ключевые слова: В. С. Соловьев, В. Я. Брюсов, книга стихов, символизм, жанр предисловия, метатекст, концепция жизнетворчества, сверхжанровая форма

Цитирование: Черкасова Е. А., Чубрикова А. Р. 2024. Эволюция жанра предисловия в поэтических книгах В. С. Соловьева и В. Я. Брюсова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 10. № 4 (40). С. 70–86. [https:// doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-70-86](https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-70-86)

Поступила 20.09.2024; одобрена 13.11.2024; принята 02.12.2024

Evolution of the foreword form in the poems by V. S. Soloviev and V. Ya Bryusov

Ekaterina Anatolyevna Cherkasova , Angelica Romanovna Chubrikova

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: cherkasova85@gmail.ru

Abstract. This article considers the genre features of authorial forewords in three books of poetry by V. S. Soloviev and nine by V. Ya. Bryusov from the standpoint of ideological, thematic, and structural evolution. Soloviev, relying on the other 19th c. Russian poets' experience in composing prefaces, develops form- and content-specific components of prefaces in his three lifetime poems editions. Being both a younger contemporary of the lyricists who created and continued the benchmark examples of Russian poetry, and a teacher for the poets of the emerging poetic movement (Symbolism), Soloviev deliberately builds his prefaces as an ideological link connecting the two poetic generations. The prefaces in Soloviev's and Bryusov's books play important roles as both poets were contemporaries in a creative dialog actively working to understand the Russian poetical traditions and to identify its best examples, as well as to formulate the new poetry's tasks. The article presents Bryusov's innovative solutions and artistic findings as the author of ten prefaces to nine books of poetry. The key features include broadening of the genre form, expansion of the list of addressees, and transformation of the address's purpose regarding the historic and literary context. Solovyov and Bryusov construct their prefaces to form a special metatextual unity, necessary, among other things, to create a unique form of dialog with their contemporaries and followers, as well as an important individual authorial statement about the goals and tasks of art and the creator.

Keywords: V. S. Solovyov, V. Ya. Bryusov, the book of poetry, symbolism, genre of preface, metatext, concept of life-creation, super-genre form

Citation: Cherkasova, E. A., & Chubrikova, A. R. (2024). Evolution of the foreword form in the poems by V. S. Soloviev and V. Ya. Bryusov. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 10(4), 70–86. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2024-10-4-70-86>

Received Sep. 20, 2024; Reviewed Nov. 13, 2024; Accepted Dec. 2, 2024

Введение

В. С. Соловьева и В. Я. Брюсова объединял творческий диалог, реализованный в разных формах словесного искусства. Так, три рецензии на поэзию русских символистов были опубликованы в «Вестнике Европы» в 1894 и 1895 г., а также в последней прижизненной книге стихов Соловьева. Философ-поэт довольно резко высказывался о стихотворных опытах новоиспеченного символиста:

«Общего суждения о г. Валерии Брюсове нельзя произнести, не зная его возраста. Если ему не более 14 лет, то из него может выйти порядочный стихотворец, а может и ничего не выйти. Если же это человек взрослый, то, конечно, всякие литературные надежды неуместны» [Соловьев, 1900, с. 196–197].

Ответ Брюсова не заставил себя ждать. В статье «Зоилам и Аристархам» (1895) он отметил справедливость некоторых соловьевских замечаний и обвинил критика в излишнем желании «позабавить публику», повлекшем возникновение ряда «острот сомнительной ценности» [Брюсов, 1987, с. 36] и умышленное искажение смысла стихотворений. В частной же переписке с В. К. Станюковичем Брюсов высказывался об этих рецензиях с экспрессией: «Боже мой, он так уничтожил нас, что и ключев не осталось» [Станюкович, 1976, с. 733].

Известно, что фигура Соловьева занимала значимое место в жизни и творческой судьбе Брюсова: его поэзия не только заложила основы символистской эстетики, но и во многом определила художественное мышление поэта-символиста. В частности, Брюсов посвятил статью «Владимир Соловьев. Смысл его поэзии» последнему прижизненному изданию стихов поэта-предшественника: «Написанная по поводу 3-го изд. „Стихотворений“ Вл. Соловьева (1900 г.), статья была напечатана непосредственно после его смерти. (Примеч. В. Брюсова.)» [Брюсов, 1987, с. 242]. В связи с этим важно отметить, что для Брюсова факт выхода книги стихов Соловьева был особенно важен. Так, следуя за Соловьевым, Брюсов подчеркивал, что миссия преодолеть мир Времени лежит, в первую очередь, на художнике, обессмертившем прошлое «в созданиях искусства» [Брюсов, 1912, с. 33]. Таким предметом искусства для обоих поэтов являлись в т. ч. книги стихов.

Обзор литературы

Во всём многообразии жанровых образований, по замечанию исследователей, предисловие как особая литературная форма «активным образом отреагировала на потребности „расслоения“ авторского сознания на ряд „сознаний“ — „расслоения“, вызванного необходимостью осмыслить мир как „разноречивый“ и „многоязыкий“» [Лазареску,

2008, с. 43]. Особенно ярко это ощущалось на стыке культурных, исторических, общественных сдвигов, как, например, в период перехода от романтизма к реализму и далее к модернизму, в осмыслении поэтами новых открытий в различных областях человеческого знания, целей и задач нового искусства, места художника в новых реалиях и пр.

Существующие научные труды по изучению жанрового своеобразия книги стихов в большей степени направлены на рассмотрение закономерностей лейтмотивной структуры лирических текстов, их последовательности, специфике лирического героя. Вне исследовательского внимания при этом остается жанр предисловия в структуре лирических книг, понимаемых самими поэтами, по замечанию О. В. Мирошниковой, как «издание, полиграфически овеществляющее концептуально-этапный поэтический комплекс стихотворений и циклов-разделов, структурированный по замыслу автора как художественное единство, как системно-образное выражение его мировидения» [Мирошникова, 2002, с. 25]. Функции авторских предисловий в структуре трех прижизненных книг стихов Соловьева уже подвергались исследованию [Черкасова, 2021, с. 25–35]. Между тем, специфика и процессы трансформации данной жанровой формы подробно рассмотрены до сих пор не были, тем более в связи с предшествующей и последующей поэтической традицией. В представленной работе предисловия к трем прижизненным изданиям стихотворений Соловьева будут рассмотрены как сверхтекст, создаваемый автором на протяжении почти десяти лет. Это обусловлено в т. ч. тем, что в них наличествует жанровое движение от «„сборника“ стихотворений... к прозиметрическому образованию, новому сверхжанровому единству, книге стихов», а также в них «отразились как индивидуально-художественные поиски Соловьева, так и тенденции к синтезу искусств» [Черкасова, 2021, с. 34–35].

Значимость изучения авторских предисловий к лирическим книгам Соловьева и Брюсова возрастает еще и потому, что эта часть книги не имеет «четких формальных (композиционных, стилистических и т. д.) и содержательных границ» [Лазареску, 2008, с. 13], а значит, живо реагирует на историко-культурные изменения в общественной среде, фиксируя не только своеобразие авторского художественного сознания, но и специфику диалога между автором и читателем, что особенно актуально на стыке культурных эпох. Это обусловлено тем, что данная затекстовая структура обладает «наибольшей ориентированностью и силой воздействия на адресат» [Дайнеко, 2020, с. 142], и именно с этой периферийной позицией связана его диалогическая направленность и коммуникативно-прагматическая установка «предварительного информирования читателя о предлагаемом произведении» [Чернигова, 2006, с. 11]. Актуальность представленного исследования обусловлена также тем, что данная жанровая форма, предваряющая книгу стихов, способна уточнить специфические черты индивидуально-авторского подхода к формированию собственной книги стихов, а также к пониманию идейных задач внутреннего устройства такого художественного явления, как лирическая книга.

Для удобства сопоставления рассматриваемые предисловия пронумерованы следующим образом.

Предисловия к книгам стихов Соловьева:

- «Стихотворения» 1891 г. — I,
- «Стихотворения» 1895 г. — II,
- «Стихотворения» 1900 г. — III.

Предисловия к книгам стихов Брюсова:

«Chefs d'oeuvre», 1-е издание,	1895 г. — 1,
«Chefs d'oeuvre», 2-е издание,	1896 г. — 2,
«Me eum esse»,	1897 г. — 3,
«Tertia Vigilia»,	1900 г. — 4,
«Urbi et orbi»,	1903 г. — 5,
«Στεφανος»,	1906 г. — 6,
«Пути и перепутья»,	1909 г. — 7,
«Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам»,	1918 г. — 8 и 9,
«Последние мечты»,	1920 г. — 10.

Результаты и обсуждение

Интенция автора, являющегося «последней смысловой инстанцией» [Бахтин, 1994, с. 80], в контексте понимания книги стихов как «сложного художественного единства» [Барковская и др., 2014, с. 22] выводит прочтение жанра предисловия на новый уровень. Так, понимание внутреннего устройства таких книг в качестве «объединения групп самостоятельных произведений в новые многокомпонентные единства — циклы» [Ляпина, 1999, с. 170], а также определенная «серийность» поэтических книг В. С. Соловьева и В. Я. Брюсова может быть распространено на прочтение их предисловий как самостоятельных авторских высказываний, связанных между собой определенными формально-содержательными компонентами с одной стороны, и организующих пространство книги стихов — с другой. В связи с этим стоит приступить к рассмотрению наиболее важных структурно организующих компонентов в изучаемых предисловиях.

В поэтических книгах Соловьева и Брюсова обращает на себя внимание периодичность их выхода, определяемая практически равными промежутками: 4–5 лет у Соловьева (1891 г. – 1895 г. – 1900 г.) и 1–3 года у Брюсова (1895 г. – 1896 г. – 1897 г. – 1900 г. – 1903 г. – 1906 г. – 1909 г.). Такие почти равные промежутки между книжными публикациями, с одной стороны, сообщают о методичной работе автора над их составлением, с другой — предполагают содержательные изменения, отраженные, в частности, в структуре и объеме книги стихов. Первые опыты издания лирических книг Брюсова совпали с датами выхода книг стихов Соловьева, что фиксирует почти одновременное движение поэтов к разработке прозиметрических жанровых форм. Важно в данной связи подчеркнуть, что оба поэта были знакомы с поэтическими книгами друг друга, читали их и обсуждали, о чем свидетельствуют критические статьи Соловьева о поэзии символистов, а также статья Брюсова, посвященная обзору последней прижизненной книги стихов Соловьева.

Выход первой книги стихов Соловьева хронологически совпал с публикацией четвертого выпуска «Вечерних огней» А. А. Фета — книги стихов, которая имела особое значение в историко-литературном процессе:

«Последний этап творческой деятельности Фета-лирика охватывает почти сорок лет — с 1864 по 1892 г. <... > Но главное — на этом творческом витке Фету суждено было стать

автором „Вечерних огней“, поэтические открытия которых во многом предвосхитили художественные поиски XX века» [Кошелев, Петрова, 2014, с. 264].

Фигура Фета-лирика в творческой биографии Соловьева значительна еще и потому, что «Соловьев принял активное участие в определении „конструкции“ первого выпуска „Вечерних огней“ в начале 1880-х годов» [Кошелев, Петрова, 2014, с. 269]. Таким образом, опыт составления «Вечерних огней» вполне мог послужить основой при формировании собственных книг стихов.

Авторские предисловия в составе лирических книг Брюсова возникли в период становления символистского направления в русской литературе и были ориентированы на выявление и распространение основных принципов нового искусства, в связи с чем книги публиковались довольно часто. Но ситуация кризиса символизма (1910 г.) обнаружила необходимость трансформации книги стихов на всех ее уровнях, включая предисловие. Это совпадало с девятилетним перерывом в создании книг 7 и 8 в связи с тем, что Брюсов остро переживал развал «символической школы» [Брюсов, 1987, с. 461]. Поэтому, на наш взгляд, с 1918 г. предисловия Брюсова содержали в основном развернутый анализ стихотворных опытов предыдущих эпох, направленный на сохранение поэтической культуры.

Три рассматриваемые лирические книги Соловьева имеют схожие названия: «Стихотворения Владимира Соловьева». Так намечается осознанное сближение Соловьева-поэта с лирической традицией начала XIX в., когда «чаще всего книжки стихов более или менее известного поэта назывались просто „Стихотворения“» [Кошелев, Петрова, 2014, с. 270]. Логика такого называния поэтической книги может быть обусловлена, в частности, уже сформированной широкой известностью Соловьева в различных сферах общественной и творческой жизни, включая поэзию, на что указал сам автор в предисловиях. Поэтому прочтение названий поэтических книг в т. ч. актуализирует вопрос принадлежности стихов непосредственно Соловьеву, отсюда и выбранная форма наименования книг.

Сравним с другой возможной формой названия подобных лирических книг: В. С. Соловьев «Стихотворения» — которая фиксировала бы иное соотношение составляющих «автор» и «заглавие». Проблема авторизации лирических текстов Соловьевым поднимается в каждом предисловии и, на наш взгляд, связана с традицией называния книги. По всей видимости, автор стремился связать все уже известные читателю стихотворения с теми, что выходили в печати без указания его имени.

Сравним высказывания автора по этому поводу в предисловиях: «Вошедшие сюда стихотворения печатались частью без моего имени в „Руси“ Аксакова и в „Русском Вестнике“ Каткова; частью же с полною подписью в различных изданиях, преимущественно в „Вестнике Европы“» [Соловьев, 1891, с. 3] (I); «В этой книжке кроме стихотворений, вошедших в первое издание (1891 г.), помещено более сорока новых; одно из них было напечатано под псевдонимом (в „Русской Мысли“), все прочия появлялись с моею подписью в различных сборниках и журналах (преимущественно в „Вестнике Европы“) за последние четыре года» [Соловьев, 1895, с. 1] (II); «Стихотворения, дополняющие это издание против прежних печатались порознь главным образом в Вестнике Европы (1895–1900 гг.), а также в Книжках Недели» [Соловьев, 1900, с. xi] (III).

На себя обращают внимание близкие, а порой и повторяющиеся формулировки (напр., «преимущественно в „Вестнике Европы“» — «главным образом в Вестнике Европы»), что в малом текстовом пространстве предисловия, как бы возвращая читателя к первой книге, оказывается важным связующим элементом. Важно в связи с этим отметить, что автор не отказывался от анонимности при публикации стихотворений в периодической печати, но при этом стремился провести авторизацию при собирании лирических текстов в книжное единство.

В предисловиях к лирическим книгам Брюсова такой особенности не наблюдается.

Рамочная композиция

По поводу рамочной композиции трех предисловий В. С. Соловьева стоит отметить, что такие составляющие внетекстовой композиции, как заглавие, авторство, дата и место публикации появляются лишь в третьем издании. Таким образом, предисловия к поэтическим книгам 1891 и 1895 г. имеют как бы открытую композицию, являясь продолжением титульной страницы и предваряя стихотворения. Третье же предисловие отличается не только увеличенным объемом, но и наличием рамочных компонентов, которые визуальное и по смыслу отделяют текст предисловия от всех остальных компонентов книги. Кроме того, оно имеет даже жанровое определение: «Предисловие к третьему изданию» — а указание на то, что это именно третье издание, содержится как на обложке, так и на титульном листе книги: «Стихотворения Владимира Соловьева. Издание третье, дополненное». Это позволяет предположить, что данное предисловие планировалось публиковать отдельно от всей книги, что говорит о его смысловой автономности. Подтверждением этому служит и подпись в финале предисловия об авторе, месте и дате его написания: «Владимир Соловьев. С.-Петербург, Апрель 1900 года» [Соловьев, 1900, с. xv].

Большое разнообразие рамочных компонентов представлено в авторских предисловиях В. Я. Брюсова. Преимущественно они состоят из следующих компонентов: жанровый подзаголовок, эпиграф, имя автора, дата и место написания. Каждый из них выполняет в тексте определенную функцию. Жанровый подзаголовок и имя автора — обращение к культурной памяти читателя, эпиграф — подключение к традиции, дата и место написания — отражение авторского подхода к процессу создания книги стихов. Заметим, что эпиграфы в предисловиях Брюсова обладают полифункциональностью: в них обозначаются эстетические взгляды автора, выстраиваются внутренние связи предисловий и лирических книг, а также моделируется образ адресата.

Так, эпиграфом к первому предисловию выступили строки из стихотворений А. А. Фета «Как мошки зарею» («О, если б без слова / Сказаться душой было можно») и Ф. И. Тютчева «Silentium!» («Мысль изреченная есть ложь») [Брюсов, 1895, с. 6]. Таким образом Брюсов вступил в диалог не только с конкретными высказываниями, но и с целой литературной традицией, подчеркнув близость эстетических взглядов: в лирике Тютчева и Фета символика особенно интересовала поэтика невыразимого. В статье «А. А. Фет. Искусство или жизнь» (1903) Брюсов отмечал: «Вся позднейшая творческая деятельность Фета и была мучительной борьбой с незвучным и упорным стихом, бессиль-

ным передать порыв души» [Брюсов, 1912, с. 18]. То же противоречие между искусством и жизнью поэт усматривал и в тютчевской лирике. Сходство художественного миропонимания Тютчева и Фета позволило объединить их строки в одном эпиграфе:

«И рядом с тютчевским определением, имеющим всю глубину и всеобъемлемость формулы: „мысль изреченная есть ложь“, должно быть поставлено равносильное, но исполненное жизни восклицание Фета: „О, если б без слова / Сказаться душой было можно“» [Брюсов, 1912, с. 23].

В публицистике Брюсов высказывал мысль о существовании в русской поэзии двух уникальных традиций. Первая (к ней принадлежали А. С. Пушкин, А. Н. Майков и А. К. Толстой) характеризовалась стремлением выразить чувства, доступные человеческому восприятию. Поэзия другой традиции (представленная именами Ф. И. Тютчева, А. А. Фета и В. С. Соловьева) «беспреданно порывается от зримого и внешнего к сверхчувственному» [Брюсов, 1912, с. 28]. Следовательно, предпослав предисловию строки из стихотворений Тютчева и Фета, поэт обратился и к их художественной традиции, которую в т. ч. продолжал Соловьев.

Эпиграф второго предисловия — цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Поэту!»: «Ты им доволен ли взыскательный художник?» [Брюсов, 1896, с. 9]. В этом стихотворении звучит тема поэта и его призвания, которую, по мнению Брюсова, Пушкин понимал в чисто романтическом смысле, «т. е. в духе идеалистической философии» [Брюсов, 1917]. Брюсов считал, что сущность деятельности поэта, сформулированная Пушкиным, заключается в изречении откровений, «которые не мог бы изречь обыкновенный человек» [Брюсов, 1917]. Причем озарения поэта не предназначены толпе, душа художника стремится в будущее, к иной жизни.

В предисловии Брюсов последовал пушкинским наставлениям и отказался искать в читателях и современниках понимание своей поэзии: «Тогда я еще смутно надеялся, что мои стихи найдут себе истинных читателей. Такой надежды более у меня нет совершенно» [Брюсов, 1896, с. 8]. Поэтому собственную книгу стихов он завещал вечности: «В своем настоящем виде моя книга кажется мне вполне законченной, и я спокойнее чем когда либо завещаю ее вечности» [Брюсов, 1896, с. 9]. Здесь же Брюсов ответил на вопрос лирического героя Пушкина, вынесенный в эпиграф предисловия, сообщив, что доволен своим произведением настолько, что решил выпустить его в свет: «Теперь я не нахожу нужным из-за второстепенных недостатков скрывать произведения, в которых есть замечательные частности» [Брюсов, 1896, с. 9].

В качестве эпиграфа к шестому предисловию Брюсов использует строки из стихотворения Тютчева: «Теперь тебе не до стихов, / О слово русское, родное!» [Брюсов, 1906, с. 2]. Стихотворение написано в 1854 г., во время Крымской войны, в дни, когда общество более всего занимали подробности военного конфликта. В нем лирический герой сообщает, что для его отечества настали трудные времена, в которых нет места поэзии, поэтому свои стихи автор намерен оставить до «лучших, будущих времен» [Тютчев, 1911, с. 296]. Однако факт написания стихотворения, свидетельствует о том, что Тютчев не смог последовать собственному наставлению, т. к. произведение искусства не подчиняется воле художника, оно живет по особым, недоступным человеческому пониманию законам.

Рождение поэзии в неподходящее для нее время — основная тема брюсовского предисловия, датированного 1905 г. и складывающегося в условиях начавшейся революции: «Бедная моя книга! Я отдаю тебя читателям в дни, когда им нужен не голос спокойных раздумий, не напевы извечных радостей и извечных страданий, но гимны борьбы и бой барабанов» [Брюсов, 1906, с. 2]. По мнению Брюсова, художники рубежа XIX–XX в. столкнулись с теми же проблемами, что и поэты тютчевского поколения. Вслед за Тютчевым, символист утверждает, что его поэзия «не для сегодняшнего дня» и должна «ждать своего часа». Несмотря на это, он всё-таки издал книгу, тем самым утвердив связь нескольких поэтических поколений и подчеркнув, что она ему не принадлежит.

Эпиграфом к седьмому предисловию выступили строки из стихотворения самого Брюсова «In hac lacrimarum valle», (1902): «И все мои напевы еще подвластны мне» [Брюсов, 1909, с. 7]. Так Брюсов вступил в диалог со своим высказыванием из прошлого, а также с другими лирическими книгами (например, стихотворение «In hac lacrimarum valle» взято Брюсовым из книги «Urbi et orbi»). К моменту составления книги «Пути и перепутья» поэт начал по-новому смотреть на стихотворения, написанные им ранее, но не отказался от них, а объединил в одно собрание:

«Этим я хотел указать, что во многом этот сборник завершает мои предыдущие начинания, или, вернее, что он лучше разрешает те же задачи, за которые, без достаточной подготовки, я брался и раньше» [Брюсов, 1909, с. 6].

По мнению символиста, отдельные стихотворения в творческом наследии автора могут противоречить его взглядам в настоящий момент, но все они принадлежат ему и являются звеньями в целом высказывании: «И я иной, чем прежде, но всё же это я, / И песнь моя другая, но это песнь моя» [Брюсов, 1903, с. 56].

Эпиграф девятого предисловия — цитата из стихотворения К. К. Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...», 1854 («Мое святое ремесло!»). В нем лирический герой ведет диалог со своим стихотворением: «Ты, уцелевший в сердце нищем, / Привет тебе, мой грустный стих!» [Павлова, 1964, с. 154], акцентируя внимание на особой природе художественного текста, который, с одной стороны, принадлежит своему создателю, о чем свидетельствует личное местоимение «мой», отнесенное к стиху, а с другой — воспринимается автором в качестве самостоятельного субъекта, наделенного собственной волей. На это указывает, во-первых, этикетное междометие «привет», сигнализирующее о начале речевого общения. Во-вторых, глаголы 2 л. ед. ч. («проснись», «раздайся», «сойди», «уйми»), обозначающие волеизъявления, адресованные другому участнику коммуникативного акта. Напомним, что наличие «самосознания» у литературного произведения утверждается также в эпиграфах шестого и седьмого предисловий.

Примечательно, что стихотворение Павловой написано в 1854 г. и, вероятно, возникло как реакция на события Крымской войны. Это отсылает читателя к эпиграфу предисловия книги 6 — цитате из стихотворения Тютчева «Теперь тебе не до стихов...», датированного тем же годом. Таким образом, с помощью эпиграфа выстраивается связь предисловий лирических книг В. Я. Брюсова.

Диалогизм и концепция адресата

По утверждению Д. С. Лихачева, еще в древнерусской литературе предисловие выполняло разъяснительную функцию, подсказывая адресату способ понимания произведения [Лихачев, 1974, с. 62]. Для осуществления в предисловии разъяснительной функции, в т. ч. по тому, как произведение должно быть воспринято, автору необходимо установить близкий контакт с читателем. Поэтому адресная направленность является основной характеристикой предисловия и фиксируется в архитектонике и заглавии предисловия, а также его содержательном, лингвистическом и паравербальном пластах. Отсюда следует и одна из ключевых характеристик предисловия — его заданная диалогичность. По мысли М. М. Бахтина, автор строит высказывание, исходя из своих представлений об адресате:

«Говоря, я всегда учитываю апперцептивный фон восприятия моей речи адресатом: насколько он осведомлен в ситуации, обладает ли он специальными знаниями данной культурной области общения, его взгляды и убеждения, его предубеждения (с нашей точки зрения), его симпатии и антипатии — ведь всё это будет определять активное ответное понимание им моего высказывания. Этот учет определит и выбор жанра высказывания, и выбор композиционных приемов, и, наконец, выбор языковых средств, то есть стиль высказывания» [Бахтин, 1979, с. 291].

Из трех авторских предисловий Соловьева наибольшей диалогичностью обладает третье, формат которого по сравнению с двумя предыдущими наиболее широк. В нем автор вновь (как и в первом предисловии — «Я собрал их по желанию моих друзей» [Соловьев, 1891, с. 1]) обращается к друзьям: «Если моя поэзия имеет своих друзей, которые ценят ее больше, чем я сам» [Соловьев, 1900, с. xi]. Кроме того, Соловьев уверен в расширении своей читательской аудитории, с чем связано и следующее замечание: «Найдутся, конечно, и такие читатели, которые из-за чужих отзывов возьмут эту книжку»; «Те читатели, которым даже стихи г. Брюсова и проза г. Розанова не могут дать нескольких мгновений тихой радости» [Соловьев, 1900, с. xi–xii]. Важной частью третьего предисловия поэта-философа является комментарий к собственным стихотворениям, спровоцированный непониманием критиков стихотворений Соловьева: «Одно из моих стихотворений, обращенное к живому и притом несомненно благонамеренному лицу, наделало хлопот изданию, где появилось» [Соловьев, 1900, с. xii]. Следующая часть предисловия III — изложение некоторых аспектов эстетической концепции Соловьева и размышления о «настоящей», «Вечной красоте» [Соловьев, 1900, с. xiii–xiv].

Диалогический потенциал предисловия осознавал и Брюсов. В своих рассуждениях о поэтике фетовской лирики он упомянул авторское предисловие к третьему выпуску «Вечерних огней»: «Не изменила ли здесь смелость мысли Фету, как и всегда, когда он пытался быть только мыслителем, а не поэтом?» [Брюсов, 1912, с. 26]. Следуя мысли Бахтина, что произведение, являясь звеном в цепи речевого общения, «связано с другими произведениями-высказываниями — и с теми, на которые оно отвечает, и с теми, которые на него отвечают» [Бахтин, 1979, с. 268], отметим, что, выбрав жанр предисловия для собственных лирических книг, Брюсов вступил в диалог с теми, кто до него выбирал этот жанр, в частности с Фетом. Так, диалогические отношения обнаруживаются непосредственно в предисловиях книг 1–5, 8 и 9 Брюсова.

В предисловии к книге 1 Брюсов обозначил адресата своего высказывания: «Печатаю свою книгу в наши дни, я не жду ей правильной оценки ни от критики, ни от публики. Не современникам и даже не человечеству завещаю я эту книгу, а вечности и искусству» [Брюсов, 1895, с. 6]. Первые (главные) адресаты — вечность и искусство. Второстепенными адресатами будут таким образом критика и публика, чье упоминание свидетельствует о том, что люди не поняли его поэзии, поэтому свое произведение он посвящает не им. Указание адресата есть в предисловии к книге 2: «И критика, и публика, и те лица, мнениями которых я дорожил, и те, которых в праве считать поклонниками моей поэзии — выказали такое грубое непонимание ее, что я теперь только смеюсь над их суждениями» [Брюсов, 1896, с. 8] и к книге 3: «Если мне и не суждено будет продолжать начатое, эти намеки подскажут остальное будущему другу. Приветствую его» [Брюсов, 1897, с. 5]. Будущий друг, которому адресовано слово автора — это и читатель книги, и поэт нового поколения, наследующий традиции брюсовской лирики.

В предисловии к книге 4 Брюсов вступил в диалог с современниками, опровергнув их представления о его эстетических взглядах: «Было бы неверно видеть во мне защитника каких-либо обособленных взглядов на поэзию» [Брюсов, 1900, с. 5]. Следующее предисловие содержит размышления поэта о литературной традиции прошлого, что является особой формой диалога с предшественниками: «Но значение, придаваемое им учебниками, идет от времен французского лже-классицизма и тоже отличается от их первоначального смысла, какой они имели у античных поэтов» [Брюсов, 1903, с. 2]. В предисловии к книге 6 Брюсов выстроил диалог со своим произведением: книга стихов мыслилась поэтом как самостоятельный субъект и полноправный участник речевого общения, обладающий собственной волей. Поэтому в предисловии наличествуют личные местоимения («я», «ты»), глаголы 2 л. ед. ч. («будешь», «отвечай», «проходи»), а сам текст начинается и заканчивается этикетными речевыми формулами, обязательными для коммуникативного акта: «Бедная моя книга!», «Прощай, моя бедная книга!» [Брюсов, 1906, с. 5].

Во вступительной статье («Ремесло поэта») к книге 8 автор обратился одновременно и к читателям, и к предшественникам, и к другим своим книгам. Читателям адресованы вопросы: «Каким же образом стих может быть исключен из объектов, изучаемых наукой?» [Брюсов, 1918, с. 12] — и предложение: «Попробуйте написать французской азбукой, сохраняя очарование звукописи, стихи Пушкина: „Шипенье пенных бокалов / И пунша пламень голубой!“» [Брюсов, 1918, с. 28]. Поэтов предыдущих поколений Брюсов благодарил за изобретение основных приемов стихосложения, которыми он пользуется в своем творчестве:

«Пока будет существовать поэзия, не перестанут, вероятно, пользоваться и дистихом из гексаметра и пентаметра, и терцинами Данте, и октавами Тассо, и сапфической строфой, и Спенсеровой, и строфой „Ворона“ Эдгара По. Трубадуры средневековья считали строфу собственностью того, кто ее изобрел, и не позволяли себе пользоваться чужими строфами. Современность снисходительнее в этом отношении: почему искать уже найденное или пользоваться худшим, когда есть лучшее?» [Брюсов, 1918, с. 36].

В финале вступительной статьи Брюсов привел строки из стихотворения Фета «Как мошки зарею» («О если б без слова — сказаться душой было можно»), которые яв-

ляются эпиграфом к предисловию книги 1. Тем самым поэт сформировал связь между всеми лирическими книгами, что также встречалось в предисловии III Соловьева.

В предисловии Брюсова «От автора» диалог устанавливается, во-первых, со всей историей литературы: «Поэзия античной древности, европейского средневековья, Ближнего Востока, Дальнего Востока, новых литератур, даже народная поэзия полу-культурных племен, — представляют множество образцов разного рода технических приемов, способствующих основной цели: победить слово» [Брюсов, 1918, с. 42]. Во-вторых, с поэтами настоящего и будущего времен: «Задача каждого поэта, — рядом со своим творческим делом, которое, конечно, остается главной задачей всей жизни, — по возможности, способствовать развитию техники своего искусства» [Брюсов, 1918, с. 42]. В-третьих, с критикой: «Если встречаются в книге стихотворения, которые, быть может, не удовлетворят взыскательную критику, то это уже — вина моего дарования или моей оценки, но отнюдь не сознательное с моей стороны допущение» [Брюсов, 1918, с. 44]. И в-четвертых, с читателями: «В этой книге — не те примеры, которые должно было дать в наше время для читателя, интересующегося стихотворной техникой, а те, — которые я мог выбрать среди своих стихотворений последних лет» [Брюсов, 1918, с. 45].

К восьмому предисловию число участников диалога увеличивается, поэтому можно сделать вывод, что Брюсов понимал расширение сферы своего влияния. Об этом свидетельствуют принадлежность одного из предисловий книги к жанру лекции и факт его публичного чтения: «Предпосылая собранию стихов, озаглавленному „Опыты“, свою вступительную лекцию, прочитанную в московской „Студии стиховедения“, я полагаю, что объясняю тем и название самой книги» [Брюсов, 1918, с. 41]. Создав книгу «Опыты», Брюсов ставил целью поделиться с читателем своими открытиями в области поэтического творчества, для чего более всего подходит жанр лекции, предполагающий прямой диалог с аудиторией. Выступив с «Ремеслом поэта» публично, поэт продемонстрировал, что его предисловие функционирует не только в качестве структурного компонента книги, но и как самостоятельное произведение, обладающее эстетической значимостью.

В последнем брюсовском предисловии, как и в предыдущих, реализуется вариант диалога автора с читателем:

«Остается добавить, обращаясь к тем читателям, которые раньше интересовались стихами, подписанными тем же именем, что предполагаемый сборник отделен от вышедшего в 1915 г., под заглавием „Семь цветов радуги“, целой книгой, в печати еще не появлявшейся: „Девятая камня“» [Брюсов, 1920, с. 3].

Отметим, что Брюсов особенно остро переживал ситуацию с переносом публикации книги, которая, очевидно была для него неотъемлемой как результат собственной поэтической деятельности, а во многом даже определяющей значение и смысл его жизни. Такой взгляд на отношение искусства к действительности, связан, вероятно, с формированием к последней трети XIX в. в отечественной литературе жизнетворческой концепции, получившей развитие у поэтов рубежа XIX–XX в., в частности у символистов.

В предисловиях Брюсов моделировал образ адресата: читатель должен обладать знаниями о литературе и культуре, поэтому в предисловиях упоминаются имена предше-

ственников и современников автора, а также осуществляется анализ их творчества. Так, в предисловии к книге 1 Брюсов писал: «Мы наслаждаемся поэмами Тассо, хотя содержание их для нас неинтересно, а идеи — чужды» [Брюсов, 1895, с. 6]. Автор использовал местоимение «нас», предположив, что читатель, как и он сам, знаком с произведениями итальянского поэта.

В предисловии к книге 2 ориентация на определенного читателя реализуется в эпиграфе: «Ты им доволен ли взыскательный художник?». Предпосылая предисловию цитату Пушкина, Брюсов не обозначил ее автора, по-видимому, посчитав, что адресат книги и так знает, кому принадлежит высказывание. Отказ от указания авторства сигнализирует также об отношении поэта к предложению как единице языка: для него оно ничье. Ведь предложение само по себе не имеет автора и выражает индивидуальную позицию говорящего только тогда, когда функционирует как целое высказывания [Бахтин, 1979, с. 267].

Предисловие к книге 4 начинается с определения лучшего в наследии русских поэтов:

«Я равно люблю и верные отражения зримой природы у Пушкина или Майкова, и порывания выразить сверхчувственное, сверхземное у Тютчева или Фета, и мыслительные раздумья Баратынского, и страстные речи гражданского поэта, скажем Некрасова» [Брюсов, 1900, с. 5].

В предисловии книги 5 отмечено:

«Некоторые стихи необычны по размерам. В частности, в отделе „Песни“ я пытался перенять формы современных народных песен, так называемых „частушек“, а в отделе „Искания“ — старался усвоить русской литературе некоторый особенности „свободного стиха“, *vers libre*, выработанного во Франции Э. Верхарном и Ф. Вьеле-Гриффином и удачно примененного в Германии Р. Дэмелем и Р. Рильке» [Брюсов, 1903, с. 2].

Данный фрагмент свидетельствует о том, что адресат книги должен не только ориентироваться в творчестве обозначенных поэтов, но и иметь представления о науке стихосложения.

В предисловии к книге 7 Брюсов выражает надежду, заключенную в том, что публика уже знакома с его циклами, размещенными в предыдущих книгах: «Я решил даже сохранить для некоторых циклов стихотворений заглавия, уже знакомые моим читателям: „Вечеровые песни“, „Правда вечная кумиров“, „Современность“, „Видения“» [Брюсов, 1909, с. 7]. Эти циклы наличествуют в книгах «*Me eum esse*» (1897) и «*Στεφανος*» (1906), однако в этих книгах их образуют другие стихотворения. Иными словами, оставив название цикла, Брюсов полностью поменял его внутреннюю структуру: переосмыслил темы, объединяющие стихотворения в цикле и установил новый характер связи между произведениями. Регулярно возвращаясь к предыдущим циклам и книгам, автор актуализировал их взаимосвязь. Наконец, образ адресата выстроился во вступительной лекции к книге 8, на что указывает в т. ч. местоимение «нам»: «Всё это еще настолько чуждо нам, что многие, вероятно, затруднятся назвать те науки, которые изучают и устанавливают свойства и законы стиха» [Брюсов, 1918, с. 13].

Заключение

Представленное исследование позволяет по-новому взглянуть на авторское предисловие в составе книги стихов как на особую жанровую форму, выявить новые уровни внутренних связей сегментов поэтической книги, а также уточнить способы формирования отечественной поэтической традиции на рубеже XIX–XX вв. Стоит отметить, что авторские предисловия служат особой и важной для поэта формой диалогического взаимодействия с ближним и дальним читателем. «Серийность» авторских предисловий (и у Соловьева, и у Брюсова), обусловленная соблюдением автором заданной периодичности в выпуске книг, выводит их идейное содержание на новый уровень, организуя авторское слово в книгах стихов в единый метатекст, структура которого усложняется от первого к последнему прижизненному изданию. В результате рассмотрения трех авторских предисловий В. С. Соловьева и десяти предисловий В. Я. Брюсова был намечен вывод, состоящий в усложнении внутренней структуры данной жанровой формы и ее стремлению к прозиметрии. Важно в связи с этим отметить разный подход указанных авторов к формоорганизующим компонентам предисловия, что свидетельствует о смене подходов к созданию книги стихов на рубеже веков. Очевидно, что эволюция жанра предисловия одновременно происходила внутри отдельно взятой художественной системы Соловьева и Брюсова, а также в рамках историко-литературного процесса, отражая стремление мастеров слова в выражении собственных взглядов на свою же поэзию и демонстрируя процесс художественных поисков в области диалога с читателем.

Список источников

- Барковская Н. В., Верина У. Ю., Гутрина Л. Д. 2014. Книга стихов как теоретическая проблема // Филологический класс. № 1. С. 20–29.
- Бахтин М. М. 1979. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества // сост. С. Г. Бочаров. М.: Искусство. С. 250–296.
- Бахтин М. М. 1994. Проблемы творчества Достоевского. М.: Алконост. 178 с.
- Брюсов В. Я. 1895. *Chefs d'oeuvre*: сборник стихотворений. 1-е изд. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа. 53 с.
- Брюсов В. Я. 1896. *Chefs d'oeuvre*: сборник стихотворений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа. 89 с.
- Брюсов В. Я. 1897. *Me eum esse*. М.: изд-во тип. А. И. Мамонтова. 62 с.
- Брюсов В. Я. 1900. *Tertia Vigilia*: сборник стихотворений. М.: Скорпион. 139 с.
- Брюсов В. Я. 1903. *Urbi et Orbi*. М.: Скорпион. 187 с.
- Брюсов В. Я. 1906. *Στεφανος*. М.: Скорпион. 53 с.
- Брюсов В. Я. 1909. Пути и перепутья. В 3 томах. М.: Скорпион. Т. 3. 171 с.
- Брюсов В. Я. 1912. Далекие и близкие: Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М.: Скорпион. 223 с.
- Брюсов В. Я. 1917. Сочинения // rusneb.ru: национальная электронная библиотека. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005434484/ (дата обращения: 15.08.2024).

- Брюсов В. Я. 1918. Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам. М.: Геликон. 200 с.
- Брюсов В. Я. 1920. Последние мечты. Лирика 1917–1918 гг. М.: Творчество. 64 с.
- Брюсов В. Я. 1987. Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература. Т. 2. 575 с.
- Дайнеко А. Ю. 2020. Диалогические стратегии в дискурсивном жанре «предисловие» // Вестник МГПУ. № 3. С. 141–146.
- Кошелев В. А., Петрова Г. В. 2014. О поэтических сборниках Фета «Вечерние огни» // Фет А. А. Сочинения и письма в двадцати томах. Кн. 1. М.–СПб.: Альянс-Архео. Т. 5. С. 264–286.
- Лазареску О. Г. 2008. Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.): автореф. дис... канд. филол. наук. М. 47 с.
- Лихачев Д. С. 1974. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука. 373 с.
- Ляпина Л. Е. 1999. Циклизация в русской литературе XIX века. СПб. 279 с.
- Мирошникова О. В. 2002. Лирическая книга: архитектура и поэтика (на материале поэзии последней трети XIX века): учеб. пособие. Омск: Омск. гос. ун-т. 140 с.
- Павлова К. К. 1964. Полное собрание стихотворений. М.–Л.: Советский писатель. 622 с.
- Соловьев В. С. 1895. Стихотворения. 2-е изд., доп. СПб.: Издание М. М. Ледерле и Ко. 130 с.
- Соловьев В. С. 1900. Стихотворения. 3-е изд., доп. СПб.: Издание М. М. Стасюлевича. 232 с.
- Соловьев В. С. 1891. Стихотворения. М.: Университет. Типография. 78 с.
- Станюкович В. К. 1976. Воспоминания о В. Я. Брюсове // Литературное наследство. Валерий Брюсов. М.: Наука. Т. 85. С. 713–758.
- Тютчев Ф. И. 1911. Полное собрание сочинений. Санкт-Петербург: А. Ф. Маркс. 712 с.
- Черкасова Е. А. 2021. Структура трех прижизненных поэтических книг В. С. Соловьева: к постановке проблемы // Соловьевские исследования. № 4. С. 25–35.
- Чернигова И. В. 2006. Коммуникативный потенциал паратекста французских художественных произведений XVI–XVII веков (на материале авторских и издательских предисловий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск. 22 с.

References

- Barkovskaya, N. V., Verina, U. Yu., & Gutrina, L.D. (2014). Book of poems as a theoretical problem. *Filologicheskij klass*, (1), 20–29. [In Russian]
- Bakhtin, M. M. (1979). The problem of speech genres. In S. G. Bocharov (Ed.), *Aesthetics of Verbal Creativity* (pp. 250–296). *Iskusstvo*. [In Russian]
- Bakhtin, M. M. (1994). *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Alkonost. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1895). *Chefs d'oeuvre: A Collection of Poems* (1st ed.). Printing house of E. Lissner and Yu. Roman. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1896). *Chefs d'oeuvre: A Collection of Poems* (2nd rev. ed.). Printing house of E. Lissner and Yu. Roman. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1897). *Me eum esse*. Printing house A. I. Mamontov. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1900). *Tertia Vigilia: A Collection of Poems*. Skorpion. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1903). *Urbi et Orbi*. Skorpion. [In Russian]

- Bryusov, V. Ya. (1906). *Στεφανος*. Skorpion. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1909). *Ways and Crossroads*. In 3 vols. (Vol. 3). Skorpion. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1912). *Distant and Close: Articles and Notes on Russian Poets from Tyutchev to the Present Day*. Skorpion. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1917). Works. rusneb.ru: National Electronic Library. Retrieved Dec. 17, 2024, from https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005434484/ [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1918). *Experiments in Metric and Rhythm, in Euphony and Consonance, in Strophics and Forms*. Helikon. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1920). *Last Dreams. Lyrics 1917–1918*. Tvorchestvo. [In Russian]
- Bryusov, V. Ya. (1987). *Works: in 2 vols.* (Vol. 2). Khudozhestvennaya literatura. [In Russian]
- Daineko, A. Yu. (2020). Dialogical strategies in the discursive genre “preface.” *Vestnik MGPU*, (3), 141–146. [In Russian]
- Koshelev, V. A., & Petrova, G. V. (2014). On Fet’s poetry collections *Evening Lights*. In A. A. Fet, *Works and Letters in 20 vols.* (Vol. 5, p. 264–286). Al’yans-Arheo. [In Russian]
- Lazarescu, O. G. (2008). *Literary Preface: Questions of History and Poetics (based on Russian Literature of 18th–19th c.)* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]
- Likhachev, D. S. (1974). *Poetics of Old Russian Literature*. Nauka. [In Russian]
- Lyapina, L. E. (1999). *Cyclization in Russian Literature of the 19th c.* [In Russian]
- Miroshnikova, O. V. (2002). *Lyric Book: A Textbook on Architectonics and Poetics (based on poetry from the last third of the 19th c.)*. Omsk State University. [In Russian]
- Pavlova, K. K. (1964). *Complete Collection of Poems*. Soviet writer. [In Russian]
- Soloviev, V. S. (1900). *Poems* (1st ed.). Edition of M. M. Stasyulevich. [In Russian]
- Soloviev, V. S. (1895). *Poems* (2nd ed.). Edition of M. M. Lederle and Ko.. [In Russian]
- Soloviev, V. S. (1891). *Poems*. University. Printing house. [In Russian]
- Stanyukovich, V. K. (1976). Memories of V. Ya. Bryusov. In *Literary Inheritance. Valery Bryusov* (Vol. 85, pp. 713–758). Nauka. [In Russian]
- Tyutchev, F. I. (1911). *Complete Works*. A. F. Marx. [In Russian]
- Cherkasova, E. A. (2021). The structure of three lifetime poetic books by V. S. Solovyov: to the formulation of the problem. *Solovyov Studies*, (4), 25–35. [In Russian]
- Chernigova, I. V. (2006). *Communicative Potential of the Paratext of French Works of Art of the 16th–17th c. (based on the material of copyright and publishing prefaces)* [Cand. Sci. (Philol.) dissertation abstract]. [In Russian]

Информация об авторах

Екатерина Анатольевна Черкасова, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

cherkasova85@gmail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8592-7109>

Анжелика Романовна Чубрикова, студент-магистрант, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

achubrikova@internet.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8828-0766>

Information about the authors

Ekaterina A. Cherkasova, Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Linguistics and Literary Studies, University of Tyumen, Tyumen, Russia

cherkasova85@gmail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8592-7109>

Angelica R. Chubrikova, Master Student, University of Tyumen, Tyumen, Russia

achubrikova@internet.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8828-0766>